

1-19
4-93
Г. Д. Цыби́ковъ.

ЛАМ-РИМ ЧЭН-ПО.

(СТЕПЕНИ ПУТИ КЪ БЛАЖЕНСТВУ).

СОШНЕНЕ ЦЗОНХАЦЫ ВЪ МОНГОЛЬСКОМЪ И РУССКОМЪ ПЕРЕВОДАХЪ.

Томъ I.

НИЗШАЯ СТЕПЕНЬ ОБЩАГО ПУТИ.

Выпускъ I.

МОНГОЛЬСКІЙ ПЕРЕВОДЪ.

С. 111516

ВЛАДИВОСТОКЪ.

Типо-литографія Восточнаго Института.

1910.

1981 374 - 1

ДОПОЛНЕНИЕ 3-е и 4-е КЪ ПОЛНОМУ СПИСКУ
ИЗДАНИЙ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА.

(КЪ 10-му мая 1910 года).

Гребенниковъ, А. В. Краткій очеркъ образцовъ маньчжурской литературы. Вл. 1909. 62 стр. („И. В. И.“, т. XXXII, вып. 2-й). Ц. 50 к.

Кюнерь, П. В. Новѣйшая исторія странъ Дальняго Востока. (Литогр. изд., переписанное на пишущей машинѣ).

Часть I. Обзоръ источниковъ. Вл. 1908. 4°. 74 стр. (Распродано, готовится новое издание).

Часть II. Обзоръ сношеній Китая съ европейскими державами съ XVI столѣтія до 1842 года. Вып. 1-й. Сношенія съ Португаліей, Испаніей, Голландіей, Соединенными Штатами, Франціей и Швеціей. Вл. 1909. 4°. 124 стр. (Распродано, готовится новое издание).— Вып. 2-й. Сношенія съ Англіей. Вл. 1910. 4°. V; 73 стр. Ц. 1 р. 20 к.— Вып. 3-й. Сношенія съ Россіей. Съ приложеніемъ „Исторіи Пекинской Духовной Миссіи.“ Вл. 1910. 4°. VI; 87 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Часть III. Обзоръ сношеній Китая съ европейскими и азиатскими державами съ 1842 года, съ указаніемъ важнѣйшихъ событій внутренней исторіи страны. Вып. 1-й. Съ 1842 г. до конца Японо-китайской войны 1894—5 г.г. Вл. 1910. 4°. VII; 175 стр. Ц. 2 р. 65 к.

Мацкинъ, Н. Материнская филіація въ Восточной и Центральной Азіи. Вып. 1-й. Материнская филіація у китайцевъ, корейцевъ и японцевъ. Вл. 1910. IV; 40 стр. („И. В. И.“, т. XXXIII, вып. 1-й). Ц. 35 к.

Мендринъ, В. М. Нихонъ Гайси. Исторія сіюгуната въ Японіи. Сочиненіе Рай Дзіо въ XXXII г. Переводъ съ японскаго. Книга I. Тай...

... японскаго эпистолярна-
печатные и скорописные.
психологической, синтак-

Институтъ для приго-
въ японской словесно-
ремя съ 1 января по
ремя съ 1-го августа
XXXII, в. 1-й). Ц. 25 к.

... къ упражненіямъ.
phrase-book by James

...му ученію о государ-
ституціонное право).
... Вл. 1910. 4°; 14;
... машинъ). Ц. 75 к.

...на маньчжурскомъ и

ca 111516

по
Sc
ств
Сост
32 с
китай

K197

493

॥འཕྲུལ་འཕྲུལ་འཕྲུལ་པོ།

འཕྲུལ་འཕྲུལ་འཕྲུལ་པོ།

sp 11516

Сек. Д.м. Сибирского
ОДМ
Красноярск

79

51C(1899)1

G. Z. ZYBIKOW.

L A M - R I M C H E N - P O .

(DIE STUFEN DES PFADES ZUM HEIL).

TSONKHAPA'S WERK INS MONGOLISCHE UND RUSSISCHE ÜBERSETZT.

Band I.

DIE UNTERSTE STUFE DES ALLGEMEINEN PFADES.

Lieferung I.

MONGOLISCHER TEXT.

WLADIWOSTOCK.
Druck und Verlag des Orientalischen Instituts.

1910.

K1973 + 4с(8)л

493

Г. Ц. ДЫБИЦОВЪ.

ЛАМ-РИМ ЧЭН-ПО.

(СТЕПЕНИ ПУТИ КЪ БЛАЖЕНСТВУ).

СОЧИНЕНИЕ ЦЗОНХАНЫ ВЪ МОНГОЛЬСКОМЪ И РУССКОМЪ ПЕРЕВОДАХЪ.

Томъ I.

НИЗШАЯ СТЕПЕНЬ ОБЩАГО ПУТИ.

Выпускъ I.

МОНГОЛЬСКІЙ ПЕРЕВОДЪ.

ВЛАДИВОСТОКЪ.

Типо-литографія Восточнаго Института.

1910.

№69.1+86.35-4 +81.07

К197.2

Напечатано по определению Конференции Восточного Института.

(Известия Восточного Института, томъ XXX).

Gedruckt auf Verfügung der Konferenz des Orientalischen Instituts.

(Mitteilungen des Orientalischen Instituts, X. Jahrgang, Band XXX).

№7085

PK

2021

PK. 5379

Забайкальская краевая
библиотека им. А.С. Пушкина
ФОНД РЕДКИХ КНИГ

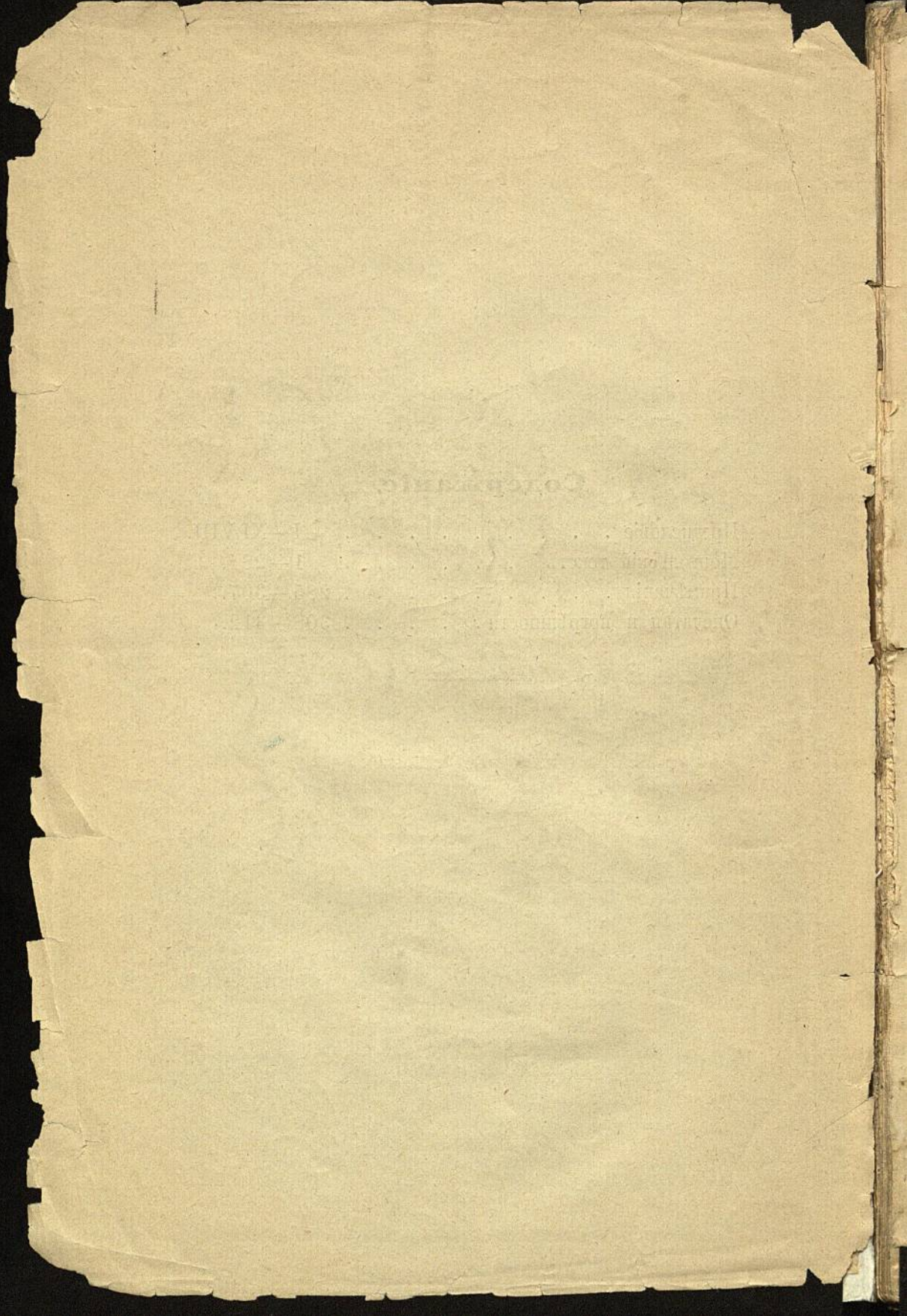
I, I.

Inhalt.

Vorrede	I—XLVIII.
Mongolischer Text	1—284.
Anmerkungen	285—307.
Druckfehler	308—312.

Содержаніе.

Предисловіе	I—XLVIII.
Монгольскій текстъ	1—284.
Примѣчанія	285—307.
Опечатки и погрѣшности	308—312.

Въ 1899 году, отправляясь въ командировку въ Центральнй Тибетъ, я, съ цѣлью познакомиться съ теоретическимъ ученіемъ сѣвернаго буддизма или ламаизма, предпринялъ переводъ на русскій языкъ сочиненія, извѣстнаго подъ полнымъ названіемъ: «Ням-мэд Цзон-ха-па чэнь-пой дзад-пій джан-чуб лам-рим чэ-ва» (сокращенно—Лам-рим чэнь-по), что на монгольскій языкъ переводятъ: «сацалал-үгэј јэхэ зоң-хаба-јн зохијал јэхэ боді мурун зэргэ» (сокращенно—јэхэ боді мурун зэргэ). Въ тибетскомъ собраніи сочиненій Цзонханы, данный трудъ его составляетъ томъ «па» или XIII. Особо важное значеніе этого сочиненія, а также его сокращеннаго изложенія, названнаго «бага боді мурун зэргэ», было указано, по словамъ его біографовъ, въ предсмертныхъ словахъ самого автора ¹⁾.

Сочиненіе это подраздѣляется на 5 отдѣловъ, неодинаковыхъ по объему ²⁾, изъ коихъ въ переводѣ на монгольскій языкъ мнѣ встрѣчались только четыре, которые и были переведены мною на русскій съ помощью тибетскаго текста во время упомянутаго путешествія и пребыванія въ Лхасѣ.

Два года тому назадъ, когда я хотѣлъ начать печатаніе русскаго перевода съ комментаріями, одинъ извѣстный, авторитетный монголистъ посовѣтовалъ мнѣ выпустить его непременно съ монгольскимъ текстомъ и притомъ параллельнымъ ³⁾.

¹⁾ См. «Біографію Цзонханы» Агинское изд. Отд. VII, Л. 12.

²⁾ Данный выпускъ составляетъ приблизительно только четвертую часть.

³⁾ Какъ изданы, напримѣръ, «Geschichte der Ost-Mongolen» Я. И. Шмидта или въ самое послѣднее время «Учебникъ тибетской медицины» А. М. Позднѣва.

Я принялъ первую часть такого совѣта, а вторую не могъ выполнить по техническимъ условіямъ ¹⁾ изданія.

Не забывая далеко впередъ изложеніемъ содержанія всего предпринятаго изданія, я скажу только, что во 2-омъ выпускѣ I-го тома будетъ дана біографія Цзонхапы съ изслѣдованіемъ его дѣятельности въ ходѣ утвержденія современнаго строя сѣвернаго буддизма и его послѣдователей и русскій переводъ, снабженный соотвѣтствующими комментаріями.

Для научной транскрипціи монгольскихъ словъ изъ академическаго алфавита взяты слѣдующія начертанія: $\text{ᠰ}=\text{у}$, $\text{у}=\text{ᠰ}$, $\text{ᠴ}=\text{чж}$ или дж , $\text{ᠵ}=\text{цз}$ или дз , $\text{ᠶ}=\text{й}$, $\text{ᠶ}=\text{и}$, $\text{ᠨ}=\text{н}$, а буквы тибетскаго алфавита, въ порядкѣ ихъ расположенія въ немъ, переданы такъ: 1-ый отдѣлъ—к, х, г, ᠨ; 2-ой—чж, ч, дж, ᠶ; 3-ий—т, т', д, н; 4-ый—п, п', б, м; 5-ый—цз, ц, дз, в; 6-ой—ш, з, ᠬ, ᠵ; 7-й—р, л, ш ²⁾, с и 8-ой—а, ᠬ, при чемъ префиксы и аффиксы с—подчеркнуты.

¹⁾ По тѣмъ же условіямъ и примѣчанія къ монгольскому тексту пришлось, къ сожалѣнію, сдѣлать транскрипціей.

²⁾ За недостаткомъ шрифта пришлось этимъ замѣнить ш съ знакомъ смягченія надъ самой буквой.

Предлагаемый монгольский переводъ „Ламрима“ напечатанъ по оригиналу, изданному въ бурятскомъ Агинскомъ дацанѣ Забайкальской обл. подъ редакціей двухъ братьевъ, ламъ Данжиновыхъ, изъ коихъ старшій, нынѣ уже покойный, былъ много лѣтъ настоятелемъ этого дацана, отличался большою ученостію и изданіемъ многихъ популярныхъ поученій, а младшій, издавшій въ преклонныхъ лѣтахъ (80 л.) упомянутый переводъ, ученый тибетскій медикъ, пользуется среди народа большимъ почетомъ. Переводъ не оригинальный, а заимствованъ съ изданія также забайкальскаго Чисанинскаго дацана. Переводчикъ этого послѣдняго изданія, по-видимому, былъ знакомъ съ переводомъ пекинскаго изданія, сдѣланнаго во время царствованія манджурскаго императора Цянь-луна (1736—1796) болѣе столѣтія тому назадъ, но онъ почти до неузнаваемости измѣнилъ его редакцію.

Имѣя подъ руками эти три перевода, я рѣшилъ издать монгольскій текстъ по агинской редакціи, какъ болѣе точной и въ то же время весьма характерной по методу дословнаго перевода. Ничтожныя измѣненія, указанные въ примѣчаніяхъ, сдѣланы по другимъ упомянутымъ переводамъ, только для внесенія большей ясности.

Для болѣе яснаго уразумѣнія смысла даннаго сочиненія великаго Цзонхапы по монгольскимъ переводамъ, необходимо, конечно, знать о тѣхъ правилахъ, по которымъ обыкновенно дѣлаются переводы и какъ тибетскій языкъ повліялъ на литературный языкъ монголовъ. Выясненію этихъ вопросовъ вмѣстѣ съ исторіей возникновенія буддизма и развитія у монголовъ литературы мы посвятимъ здѣсь нѣсколько строкъ.

Когда Чингис-ханъ, глава небольшого монгольскаго племени, благодаря своимъ гениальнымъ способностямъ и случайностямъ судьбы, образовалъ обширную монархію, то у него явилась потребность въ письменности для сношеній съ чужеземными правителями, а также и для внутреннихъ распоряженій. Но до него монголы, какъ свидѣлствуютъ историки, не имѣли или даже не знали письменности, договаривались на словахъ и заключали контракты нарѣзываніемъ мѣтокъ на деревѣ¹⁾. Съ постепеннымъ увеличеніемъ подчиненныхъ странъ и народовъ, этотъ завоеватель, конечно, имѣлъ полную возможность привлекать и держать при себѣ знатоковъ письменности сосѣдей или подданныхъ.

Ближайшими изъ родственныхъ по языку народовъ съ грамотностью были, жившіе на западъ отъ монголовъ, уйгуры (Uygur), вопросъ о коихъ остается доселѣ открытымъ²⁾, но какъ народъ, оставившій въ исторіи много слѣдовъ своей культуры, не перестаетъ обращать на себя вниманія ученыхъ до сихъ поръ. По изслѣдованіямъ ихъ, „первыми учителями монголовъ и первыми чиновниками монгольской имперіи были уйгуры“³⁾. Къ нимъ очень рано стали проникать изъ Индіи буддизмъ, а изъ Туркестана христіанство (несторіанское). Въ описаніи путешествія Чанъ-чуня сказано, что изъ города Бѣсыма (нынѣшній Урумци) выходили встрѣчать его въ числѣ нѣсколькихъ сотъ и буддійскіе монахи, которые были въ красномъ платьѣ, и что въ одной кумирнѣ есть полное собраніе буддійскихъ книгъ⁴⁾.

Археологическія изысканія послѣдняго времени документально доказываютъ, что въ Восточномъ Туркестанѣ встарину процвѣтала буддизмъ. Тамъ найдены буддійскія изображенія, надписи какъ санскритскія, такъ и уйгурскія.⁵⁾ Изъ этого видно, что среди жителей В. Туркестана или уйгу-

¹⁾ Путешествіе Чанъ-Чуня. Си-ю-цзи. Труды членовъ Пек. дух. Миссіи, т. IV, стр. 289.)

²⁾ Позднѣвъ, Д. М. Историческій очеркъ уйгуровъ. Стр. LX.

³⁾ Бартольдъ, В. В. Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія. Стр. 116.

⁴⁾ Труды чл. Пек. дух. М. стр. 300 и 301.

⁵⁾ См., напр., Записки Восточн. отд. И. Р. А. О. т. XII, стр. VI и 028.

ровъ было высокое духовное развитие, распространяемое христіанскими и буддйскими проповѣдниками. Затѣмъ съ западной стороны ихъ постепенно стали захватывать воинствующій исламъ и уже въ X вѣкѣ тамъ возникли небольшія самостоятельныя ханства изъ уйгуровъ-мусульманъ.¹⁾

По смерти Чингисъ-хана большая часть уйгуровъ отошла въ удѣль Чжагадай (монг. Чагадай), а коренные монголы — младшимъ сыновьямъ его Угэдэю и Тулюю. Такъ какъ смерть постигла Чингисъ-хана при окончательномъ подчиненіи тангутскаго государства²⁾, то понятно, что его ближайшіе пріемники прилагали свои завоевательскія силы именно въ эту сторону, т. е. Ю. Китай и Центральный Тибетъ.

Теперь возникаетъ вопросъ о томъ, какъ повліяли религіи покоренныхъ народовъ на монголовъ, которые придерживались до своего возвышенія, безъ сомнѣнія, только первобытнаго шаманства. Самъ завоеватель едва-ли давалъ предпочтеніе какой-нибудь религіи и вообще на Востокѣ не придавали большого значенія единству религіи въ государственной жизни. Шаманство было, скорѣе всего, семейной религіей, т. к. оно основано на почитаніи душъ предковъ. Только души какихъ-нибудь выдающихся предводителей народа могли становиться общепочитаемыми, какъ напр., духъ Чингисъ-хана. Поэтому, въ исторіи завоеваній Чингисъ-хана и въ дѣйствіяхъ его ближайшихъ потомковъ, не видно гоненій на какую-нибудь религію. Всѣ ихъ жестокости проявлялись только противъ политическихъ враговъ: они одинаково жестоко избивали мусульманъ, христіанъ и буддистовъ. Точно также ихъ, по видимому, не интересовалъ вопросъ, какую религію исповѣдуетъ ихъ подданный народъ, т. к. нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы имъ была доступна идея труда на благо всего народа. Чингисханъ работалъ только для себя, своихъ потомковъ и своихъ бли-

1) Радловъ. В. В. Къ вопросу объ уйгурахъ. Стр. 130.

2) Тангуты, какъ извѣстно, въ 1028 году отняли юго-восточныя владѣнія уйгуровъ, а въ 1227 году всѣ города и мѣстечки въ Тангутѣ были завоеваны Чингисханомъ, при чемъ изъ жителей спаслось не болѣе одного или двухъ изъ ста. (Акинфъ Бичуринъ Исторія Тибета и Хухунора Ч. II, стр. 21 и 116).

жайшихъ приверженцевъ¹⁾. Этимъ же можно объяснить и тотъ фактъ, что Чингисъ-ханъ, освѣдомленный о высокихъ дарованіяхъ даоскаго ученаго Чанъ-чуня, пригласилъ его къ себѣ не для выслушанія наставленій объ устроеніи своего государства и народа, а главнымъ образомъ для того, чтобы узнать, какое у него есть лѣкарство для вѣчной жизни, чтобы снабдить его имъ²⁾).

Вообще же Чингисъ-ханъ и его ближайшіе пріемники, какъ говоритъ В. В. Бартольдъ, не подчинялись всецѣло влиянію своихъ культурныхъ совѣтниковъ, но видѣли въ нихъ только орудіе для достиженія своей цѣли³⁾. Такимъ образомъ Чингисъ-ханъ, образуя громадное государство, не объединялъ его разнородныя племена общей какой-нибудь религіей. Когда же отъ дѣленія новаго государства на удѣлы племена эти обособились на группы съ монгольскими властителями во главѣ правленія, то духовная жизнь ихъ пошла у каждой группы своимъ обособленнымъ ходомъ подъ влияніемъ внѣшнихъ причинъ. Въ общемъ, западные государи со своими народами подпали подъ арабскую цивилизацію и исламъ, а восточные—подъ китайскую и буддизмъ тибетскій.

Въ своемъ завоевательскомъ движеніи тѣ и другіе сначала несли съ собою уйгурскую цивилизацію и письменность, которою пользовались въ теченіе около одного столѣтія на западѣ, а на востокѣ эта цивилизація и письменность въ нѣсколько измѣненномъ видѣ сохранилась у монголовъ до настоящаго времени, послуживъ, между прочимъ, основою для манджурскаго алфавита.

Теперь остановимся немного подробнѣе на этомъ вопросѣ. На востокѣ изъ памятниковъ чисто уйгурской письменности на монгольскомъ языкѣ найденъ у береговъ рѣки Аргунь т. наз. «Чингисовъ камень», написаніе котораго относятъ на періодъ 1224—1300 г.г.⁴⁾, затѣмъ уйгурскими буквами

¹⁾ Бартольдъ В. В. *Op. cit.* Стр. 499.

²⁾ Труды чл. Пек. дух. Миссіи. Т. IV, стр. 320.

³⁾ *Op. cit.* Стр. 420.

⁴⁾ См. Д. Банзаровъ. Черная вѣра или шаманство и другія статьи. СПб. 1891. Стр. 102.

была написана «Юань-чао-ми-ши», составленная въ 1240 году. Къ сожалѣнію, монгольскаго текста уйгурскими письменами не сохранилось и такимъ образомъ исчезъ этотъ рѣдкій и драгоцѣнный, старинный памятникъ монгольскаго письма¹⁾.

Затѣмъ дальнѣйшему развитію уйгурской письменности, его быстрому и успѣшному приспособленію къ монгольской рѣчи, по-видимому, помѣшала затѣя хана Хубилая, который повелѣлъ тибетскому ламѣ Лодой Джалцаню (бло-грос ргѣал-мцан), извѣстному болѣе подъ названіемъ Пагба-ламы (lpaags-na bla-ma), составить новыя, спеціальныя для монгольской династіи, письмена, т. е. династіи Ляо (кидане) и Цзинь (джурчени) имѣли свои собственныя письмена²⁾. Въ исполненіе такого повелѣнія хана этотъ лама составилъ, такъ называемое, «квадратное» или «государственное письмо», которое, по изслѣдованіямъ проф. А. М. Позднѣева, было официальнымъ правительственнымъ письмомъ при монгольской династіи³⁾. Хотя восточные историки приписываютъ изобрѣтеніе квадратной письменности исключительно Пагба-ламѣ, но образцомъ для сего письма, можетъ быть, послужило тангутское письмо, изобрѣтенное Юань-хао въ 1036 году и имѣвшее буквы четырехугольной правильной фигуры, со многими двойными. Этими буквами тогда были переведены на тангутскій языкъ китайскія книги⁴⁾.

Но, одновременно съ этимъ, у монгольскихъ хановъ, а также и ихъ народа сталъ развиваться буддизмъ, съ которымъ, какъ сказано выше, монголы впервые могли ознакомиться на практикѣ и по литературѣ у уйгуровъ. Завоеваніе тангутскаго государства еще болѣе сблизило ихъ съ нимъ и вліяніе буддійскаго духовенства начинаетъ увеличиваться. Здѣсь, опять, судя по историческимъ сказаніямъ, завязкой этого сближенія съ буддійскимъ духовенствомъ является бо-

¹⁾ См. Труды чл. Пек. дух. М. Т. IV, стр. 7, 8, 16.

²⁾ Гакцифъ. Записки о Монголіи. Стр. 203.

³⁾ Лекціи по исторіи мон. лит. Т. I стр. 240.

⁴⁾ Гакцифъ. Исторія Тибета и Хухунора. Ч. II. стр. 27.

лѣзнь хана, который, не найдя цѣлителей среди мѣстныхъ лекарей, пригласилъ къ себѣ прославившагося у тибетцевъ ученаго, который, по крайней мѣрѣ, у монгольскихъ правителей и интеллигенціи долженъ былъ найти уже заложенную основу для дальнѣйшаго развитія буддизма.

Обращаясь теперь къ собственно монгольскимъ сказаніямъ объ исторіи введенія буддизма и письменности, должны оговориться вообще, что у насъ нѣтъ подлинныхъ сказаній современниковъ, а равно и не найдены подлинныя творенія дѣятелей упомянутой эпохи вплоть до XVI вѣка нашей эры. Авторами сказаній являются люди уже послѣдующей за этимъ столѣтіемъ эпохи, такъ что періодъ болѣе двухъ столѣтій остается у насъ, если можно такъ выразиться, безъ документальныхъ данныхъ на обсуждаемую тему.

Такимъ образомъ изслѣдователю приходится имѣть дѣло исключительно съ повѣствованіями позднѣйшихъ писателей, уже проникшихъ буддйскими идеями и ставящими роль тибетскихъ просвѣтителей на тенденціозную высоту. По ихъ сказаніямъ, уже самъ Чингисъ-ханъ, будучи, по своему происхожденію, потомкомъ тибетскихъ хановъ, далъ предпочтеніе тибетскимъ святителямъ и заочно сталъ благоговѣть предъ сакьяскимъ ламой Соднамъ-Цзэмо. У слѣдующаго же за нимъ хана Угэдэя нѣтъ даже въ этихъ сказаніяхъ особенно выдающихся заслугъ. Оно и понятно, такъ какъ все царствованіе этого хана (1229—1242) было посвящено военнымъ дѣйствіямъ противъ нючжэней и корейцевъ, а выдѣленіе какой-нибудь секты на предпочтительное мѣсто не входило въ его политику.¹⁾ Здѣсь же должно указать, что въ опредѣленіи времени царствованія Угэдэя и слѣдующаго за нимъ, сына его, Гуюка—значительная разница монгольскихъ источниковъ сравнительно съ китайскими и другими. Такъ Сананъ-Сэцэнъ и другіе даютъ Угэдэю только шестилѣтнее царствованіе²⁾, а китайцы тринадцатилѣтнее.³⁾ Изъ сыновей Угэдэя называютъ только

¹⁾ См. завѣты его отца. Березинъ. Оч. вв. уст. Чж. ул. Стр. 25—31.

²⁾ Schmidt. G. der O.-Mong. S. 110.

³⁾ Іакинфъ. Исторія первыхъ 4-хъ хановъ. Стр. 286. Schmidt. op. cit. S. 391.

Гуюка и Годана, при этомъ первому приписываютъ только полугодовое (1233), а его брату Годану восемнадцатилѣтнее царствование (1233—1251¹). Сочиненіе «Чжирүхэнү толтайн тайлбури» (цѣрүхэн-у толтајн тајлб8ри) называетъ Годана и еще Дурта шестымъ и седьмымъ братьями Хубилая²). Это, по-видимому, послужило поводомъ Howorth'у ошибочно утверждать, что Кутанъ или Годанъ былъ братомъ Хубилая. Впрочемъ, онъ тотчасъ призналъ свою ошибку и, исправляя эту погрѣшность, говоритъ, что, насколько ему извѣстно, у Хубилая, на самомъ дѣлѣ, не было брата съ такимъ именемъ³). Такое разногласіе въ преданіяхъ и историческихъ свидѣтельствахъ, какъ сказано выше, можно объяснить тѣмъ, что монгольскіе историки очень тенденціозны ко всѣмъ, кто оказывалъ то или иное вліяніе на развитіе буддизма. Годанъ, будучи удѣльнымъ княземъ, дѣйствительно, впервые завязалъ сношеніе съ центральнымъ Тибетомъ, начавъ свои сношенія отправленіемъ туда своего полководца Дурта, котораго «Родословная тибетскихъ хановъ» 5-го далай-ламы называетъ «Дурта наг-по», т. е. «Черный Дурта», такъ какъ авторъ приписываетъ ему избіеніе многихъ духовныхъ лицъ въ центральномъ Тибетѣ⁴). На это же, безъ сомнѣнія, намекаетъ и тотъ рассказъ, что посылая его для приглашенія ламы, Годанъ велѣлъ передать слѣдующее: «Вы, святыя, должны думать о пользѣ ученія и живыхъ существъ. Если ты не прибудешь, а я, пославъ многочисленное войско, причину страданія живымъ существамъ, то развѣ ты не будешь страдать мыслью. Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ тебѣ прибыть»⁵). Въ это время въ Тибетъ было уже нѣсколько сектъ и среди нихъ «въ законахъ буддійскихъ былъ мудръ сакьяскій пандита Кунга-Джялцанъ (кун-дгац рѣјал-мѣан), на котораго пвыпалъ выборъ монголовъ. Онъ прибылъ къ Годану въ 1246 году

¹) Изъ исторіи извѣстно, что Гуюкъ былъ возведенъ на ханскій престолъ въ 1246 г. На этомъ собраніи присутствовали европейцы, въ томъ числѣ великій князь Ярославъ.

²) Позднѣвъ А. М. Монгольская хрест. стр. 361.

³) Howorth. History of the Mongols. P. I. Стр. 165 и 505.

⁴) Соч. 5-го далай-ламы т. XIX рѣјал рабс лл. 52 и 55.

⁵) Позднѣвъ А. М. Op. cit. 361.

и умерь въ 1251-омъ, въ одинъ годъ со своимъ княземъ—покровителемъ.

Этого ламу должно считать первымъ насадителемъ буддизма при дворѣ монгольскаго князя, но сочиненіе «Чжирүхэнү толта-ин тайлбури» приписываетъ ему еще изобрѣтеніе вновь 44 слоговыхъ буквъ монгольской письменности, взявъ за образецъ зубчатую палку для выдѣлки шкуръ, которую принесла одна женщина утромъ той ночи, когда онъ гадалъ, какую форму придать новымъ буквамъ. Это же сочиненіе, вслѣдъ за такимъ сообщеніемъ, добавляетъ, что «вслѣдствіе или ненаступленія времени или неоявленія благопріятствующихъ обстоятельствъ, не было сдѣлано переводовъ священнѣхъ законовъ на монгольскій языкъ». Если принять во вниманіе, что объ этомъ событіи не упоминаетъ ни Сананъ-Сэцэнъ, ни 5-ый далай-лама, а главнымъ образомъ тотъ фактъ, что всѣ согласныя его алфавита—основныя уйгурскія, можно заключить, что этотъ ученый сдѣлалъ только попытку начать переводъ буддійскихъ законовъ на монгольскій языкъ уйгурскими письменами, хотя при скептическомъ отношеніи къ сказаніямъ позднѣйшихъ сочиненій и при строгой исторической критикѣ, можно приписать этому пандитѣ еще меньшую роль въ исторіи развитія монгольской письменности, но за то его нельзя не считать первымъ, введшимъ буддійскія идеи или, по крайней мѣрѣ, обрядности у монгольскихъ хановъ. Онъ же въ числѣ своихъ спутниковъ привезъ и своего племянника Мати-Двадза (тиб. Лодой-Джялцанъ), которому пришлось играть еще большую роль при ханѣ Хубилаѣ. Слѣдующій ханъ Мункэ, старшій сынъ Тулуя, по сказанію «Чжирүхэнү толта-инъ тайлбури» и «Исторіи буддизма въ Монголіи» пригласилъ ламу Карма-бакши¹⁾, т. е. учителя изъ секты карма, который умеръ въ Лянъ-чжоу въ 1283 году, не встрѣтивъ, по словамъ перваго сочиненія, сочувствія у слѣдующаго за нимъ хана Хубилая. Оно, пожалуй, и понятно, если принять во вниманіе тогдашнюю взаимную борьбу среди тибетскихъ

¹⁾ Позднѣвъ А. М. Мон. хрест. стр. 360 и Huth. Geschichte des Buddhismus in der Mongolei. Theil I, S. 85.

религіозныхъ сектъ въ самомъ Тибетѣ. Этотъ антагонизмъ они, безъ сомнѣнія, приносили съ собою и къ монголамъ и упомянутый Мати Двадза, прозванный Пагба ламой (hp'ags-na bla-ma), приобрѣтя вліяніе при дворѣ Хубилая, конечно, постарался отстранить отъ хана представителя другой секты, хотя о. Іакинфъ Бичуринъ¹⁾ и за нимъ Howorth²⁾ сообщаютъ, что Мунхэ-хань оказалъ почести тибетскому ламѣ Намо и далъ ему титулъ «гоши» или государственнаго учителя. О состязаніи предъ Хубилаемъ между Пагба-ламой и Карма-бакши въ проявленіи чудесъ упоминаетъ и авторъ біографіи Чжанчжя-хутукты, по словамъ котораго побѣда досталась первому³⁾.

Howorth пишетъ, что три секты христіанство, магометанство и буддизмъ были при дворѣ хана проповѣдническими, и они много домогались обратить въ свою вѣру хана, но этотъ оставался безпристрастнымъ и настойчиво вѣротерпимымъ ко всемъ. Вышеприведенное сообщеніе, однако, свидѣтельствуеетъ, что со времени Хубилая монгольскіе ханы обращаются въ буддійскую религію и при томъ по ученію сакьяской секты, представителю которой Пагба-ламѣ Хубилай даетъ преобладающую власть надъ Тибетомъ, при помощи военной силы послѣ перваго возвращенія этого ламы въ Тибетъ въ 1265 году⁴⁾. Кромѣ того Хубилай хотѣлъ дать приказъ, чтобы все тибетскіе секты перешли въ одну сакьяскую, но Пагба-лама отговорилъ хана отъ такого предирія-тія⁵⁾.

Пагба-лама, какъ упомянуто выше, составилъ для монгольскаго языка «квадратное письмо». Хотя имъ не могли переводить на монгольскій языкъ законовъ ученія⁶⁾, но при дворѣ монгольскихъ хановъ беретъ перевѣсъ буддизмъ и его представители начинаютъ играть немалую роль въ дѣлѣ просвѣ-

1) Іакинфъ. Исторія 4-хъ хановъ. Стр. 312.

2) Howorth. Op. cit. Стр. 188.

3) См. листы 35-36.

4) Біографія Чжанчжя-хутукты. Л. 205.

5) 5-ый далай лама. Op. cit. Л. 56.

6) Huth. Op. cit. S. 104.

щенія монголовъ, не ограничиваясь однимъ только практическимъ примѣненіемъ своей науки, какъ леченіе лекарствами тибетской медицины и, еще болѣе, мистическими заклинаніями и обрядами. Слѣдующему приглашенному изъ Тибета ламѣ Чой-чжи Одзэру, сначала духовнику Улзэйтү хана (1296—1307), а затѣмъ Хайсанъ-Хулука пришлось позаботиться о внушеніи своимъ слушателямъ уже сущности буддѣйскаго ученія, для чего появилась необходимость перевода и широкой проповѣди на языкѣ самихъ монголовъ. До сего времени проповѣдь совершалась, по свидѣтельствамъ «Чжирүхэнү толтайнъ тайлбури» и біографіи Чжанчжя-хутукты¹⁾, на уйгурскомъ языкѣ и изученіе происходило уйгурскими письменами, уйгурами же въ то время называли «тангутскій народъ».

Вотъ это послѣднее показаніе послужило поводомъ-академику Я. И. Шмидту настойчиво и раздражительно утверждать, что уйгуры не были народомъ тюрскимъ, какъ доказывали другіе ученые, а были тангутскимъ. Подтверженіе своей мысли онъ, подъ конецъ своей жизни, находилъ въ томъ, что знаменитый венгерскій тибетологъ Чома Көрөсь, искавшій въ центральной Азии своихъ предковъ узналъ, что на границѣ Тибета есть племя «югуръ» (югуры). Что же касается тибетскихъ данныхъ, то въ исторіи сношеній ихъ съ монголами мы не находимъ слова «уйгуръ» и вездѣ, гдѣ предполагалось бы упоминаніе его, находится слово «хоръ» (hor), которое Шмидтъ переводитъ «монголь», а монгольскіе переводчики даютъ этому слову предпочтительный переводъ «шарайголь»²⁾, Сарать Чандра Дасъ—татаринъ, туркестанецъ³⁾. Другое тибетское названіе «сог-по», монгольскіе словари и Шмидтъ переводятъ прямо «монголь», а Сарать Чандра Дасъ «Mugh, Tartar, Mongol», этимологически это слово значитъ «собиратель». Изъ сочетаній слова «хоръ» въ тибетскомъ языкѣ, между прочимъ, есть выраженіе «хоръ да» (hor zla), которое тотъ же тибетологъ переводитъ «тибетскій мѣсяць», а Шмидтъ—монгольскій». Но если принять во вниманіе,

¹⁾ См. т. 205.

²⁾ См. упомянутый ниже словарь Дандарь-дхарамбы.

³⁾ Sarat Chandra Das. A tibetan-english dictionary, p. 1329.

что уйгурское влияние въ календарномъ счетѣ, принятомъ монголами, сравнительно долго сохранилось даже у Золото-ордынскихъ хановъ¹⁾, то слово «хоръ» должно означать «уйгурскій мѣсяць», отсюда слово «hor» переведется «уйгуръ»²⁾. Затѣмъ съ исчезновеніемъ уйгуровъ, какъ особой государственной единицы первоначальное его значеніе исчезло и оно стало придаваться къ занявшему ихъ мѣсто «монголу», каковое слово объясняется въ одной бурятской рукописи происходящимъ отъ «мун» и «гол», изъ коихъ «мун» — «вѣрный, истинный, точный» и «гол» — центръ. Изъ нихъ послѣ слиянія и ассимиляціи гласныхъ произошло слово «моцголь». Такое же производство напоминаетъ и тибетское сог-по или полнѣ «сог-па-по» — собиратель, центръ³⁾. Рассказывая далѣе о происхожденіи монгольской письменности, авторъ «Чжирүхэнү толтайнь тайлбури» передаетъ, что Чой-чжи Одзэръ или, по другому имени, данному Пагба-ламой, Чой-ку Одзэръ⁴⁾ прибавилъ къ почину Сакьяскаго пандиты конечныя и другія многочисленные буквы и, переводя языкомъ монгольскаго народа священныя книги, положилъ новое основаніе, но въ послѣсловіи перевода извѣстнаго сочиненія «Панцзarakша», (санскр. paṇḍarākṣa, по тибетски гзүңе-грва-лца) высказано, что, не имѣя возможности многого передать по-монгольски, изложилъ по-уйгурски⁵⁾. Изъ этого можно сдѣлать заключеніе, что собственно монгольскій языкъ былъ гораздо бѣднѣе уйгурскаго, который имѣлъ, безъ сомнѣнія, уже переводную буддійскую литературу, но монголы получили тогда болѣе или менѣе усовершенствованную письменность.

Дѣло переводовъ, получившее такимъ образомъ начало около 1310 года, по-видимому, не особенно подвигалось впередъ до конца Юаньской династіи, такъ какъ Санань—Сэцэнъ и «Исторія буддизма въ Монголіи», упоминають только одинъ

¹⁾ Записки И. Р. Г. О. Т. XXXIV, стр. 533.

²⁾ Біографія Чжанчжи-хутукты на л. 194. упоминаеть, что въ 1227 году Чингисъ-ханъ мѣсяць празднованія побѣды надъ тангутами назвалъ «монгольскимъ бѣлымъ мѣсяцемъ». Это, по-видимому, — заимствованіе уйгурскаго календаря.

³⁾ Мы упоминаемъ это только между прочимъ. Сравни Д. Банзаровъ Ор. cit. 70-76.

⁴⁾ Huth Op. cit. S. 103.

⁵⁾ Позднѣвъ. Мон. хр. стр. 364.

случай: хань Яэсунь-Тэмурь (1324-1328) приказалъ сакья-скому ламѣ Бунія Бада (тиб. дгэп-ба бсод-намс) и монголь-скому переводчику Шэраб-сэнгэ перевести непереведенныя раньше книги¹⁾. Весь слѣдующій періодъ Юаньской династїи, отличавшійся полнымъ паденіемъ нравственности завоевателей-монголовъ и изгнаніемъ ихъ изъ Китая въ 1368 году, затѣмъ и послѣдующій полуторавѣковой въ самой Монголіи ничѣмъ не ознаменованы въ исторїи развитія буддїйской литературы у монголовъ, политическая жизнь коихъ проходила въ нескончаемыхъ междуусобицахъ.

Съ другой стороны, въ это время въ духовной жизни Тибета происходитъ значительная перемѣна, а именно въ 1357 году въ восточномъ Тибетѣ, близъ города Сининь-фу, рождается выдающійся человекъ Цзонхапа, который на 17-омъ году своей жизни отправляется въ центральный Тибетъ и тамъ, послѣ продолжительнаго усовершенствованія своихъ знаній, въ началѣ XV-го столѣтія основываетъ новую духовную секту, которая постепенно заняла господствующее положеніе въ центральномъ Тибетѣ и оттуда распространилась въ другихъ странахъ, въ томъ числѣ и въ Монголіи.

Первымъ изъ иноземцевъ, признавшимъ авторитетъ вновь возрождающейся секты, едва-ли не былъ императоръ минской династїи Юнь-ло (1403—1425), который²⁾, по тибетскимъ сказаніямъ, послалъ приглашеніе самому Цзонхапѣ, а послѣ его отказа просилъ прислать лучшаго изъ своихъ учениковъ. Выбраннымъ оказался Шакья Лэшэй, который родился въ 1354, умеръ въ 1435 году³⁾.

Первымъ распространителемъ ученія новой секты у монголовъ считаютъ тибетскаго ламу Соднамъ-Джямцо, родившагося 5-го числа перваго весенняго мѣсяца года водяного зайца (1544 г.). Онъ въ 1573 году былъ приглашенъ къ монгольскому Алтанъ-хану (1506-1583), который многими побѣдами

¹⁾ Schmidt. Op. cit. S. 120. Huth. Op. cit. 196.

²⁾ Его монгольскія преданія считаютъ сыномъ Тогонь-Тэмуре, послѣдняго хана изъ династїи Юань въ Китаѣ.

³⁾ Вандур серпо. Л. 12.

надъ отдѣльными монгольскими племенами приобрѣлъ громад-
ное вліяніе среди нихъ. Лама и ханъ, послѣ взаимныхъ со-
вѣщаній и переговоровъ, стали относиться другъ къ другу съ
большимъ уваженіемъ и поднесли титулы: ханъ ламѣ «Далай-
лама Вадчара Дара», а лама хану—«Джялпо-хай-цангъ-
ченьпо»¹⁾. Съ этого времени начинается возрожденіе у
восточныхъ монголовъ буддизма, но уже новой желтошапоч-
ной секты, и вмѣстѣ съ тѣмъ переводной литературы.
Изъ значительныхъ работъ этого періода указывается сдѣлан-
ный хуху-хотоскимъ бандита ширѣту гушри, личнымъ уче-
никомъ далай-ламы Соднамъ-Джямо, переводъ отдѣла Кан-
джура, подъ названіемъ Юмъ въ трехъ видахъ: полный, сред-
ній и сокращенный, затѣмъ біографіи и «ста тысячъ пѣсень»
знаменитаго тибетскаго отшельника-поэта Миларайпы²⁾. За
этотъ же періодъ въ дѣлѣ просвѣщенія монголовъ извѣстенъ
и чахарскій ханъ Линдань (Лэгдань) Багатуръ-тайчжи, болѣе
извѣстный подъ титуломъ Хутукту-Хагана (1592—1634),
времени котораго приписываютъ, между прочимъ, переводъ на
монгольскій языкъ громаднаго каноническаго сборника Кан-
джуръ (бкал-нгјур), сдѣланный многими переводчиками, во
главѣ съ Кунга Одзэромъ (Кун-дгаг-ход-зэр³⁾). Изъ видныхъ
дѣятелей практической проповѣди буддизма у восточныхъ мон-
головъ нельзя не упомянуть о Нэйчжи-тойнѣ, родившемся
въ 1557 году⁴⁾ сыномъ торгутскаго князя Мэргэнъ Тэбэнэ. Въ
молодости онъ былъ женатъ и имѣлъ сына, но, отъ природы
впечатлительный, онъ послѣ одного случая на охотѣ рѣшилъ
отказаться отъ свѣтской жизни и бѣжалъ тайно отъ отца въ
центральный Тибетъ, гдѣ получилъ богословское образованіе.
Затѣмъ онъ направился въ восточную часть Монголіи и здѣсь,
въ странствованіяхъ по разнымъ княжествамъ, проводилъ въ
жизнь буддійскія идеи на общедоступномъ, природномъ монголь-
скомъ языкѣ и письменности. Умеръ онъ въ глубокой старости,

¹⁾ Huth. Op. cit. 140.

²⁾ Huth. Op. cit. 156.

³⁾ Schmidt I. J., стр. 411. Huth. Op. cit. S. 156.

⁴⁾ Голетуевскій К. О. и Позднѣевъ А. М. показываютъ годомъ его рожденія 1586.

на 97 году отъ рода, въ лѣто водяной змѣи, т. е. въ 1653 году¹⁾.

Въ началѣ XVII вѣка, какъ извѣстно, выступаютъ на историческую сцену новое племя—манджуры, которые то мирными переговорами, то военной силой сначала подчинили восточныхъ монголовъ и чахаровъ²⁾. Въ своемъ дальнѣйшемъ движеніи на Китай манджуры уже имѣли союзниками монголовъ, съ которыми стали вступать въ взаимныя родственныя связи и въ то же время стали подпадать подъ вліяніе буддійскаго духовенства. Хотя манджуры, послѣ завладѣнія китайскимъ трономъ, немедленно стали въ религіозномъ отношеніи принимать конфуціанство, но первые императоры явно покровительствовали распространенію буддизма среди монголовъ, какими бы планами они ни были побуждаемы.

Такъ, ста годами позднѣе упомянутаго перваго перевода Канджура, императоръ Канси приказалъ разсмотрѣть, исправить и вырѣзать его на доскахъ. Вслѣдъ за Канси и слѣдующіе императоры оказываютъ покровительство ламаизму и переводамъ на монгольскій языкъ священныхъ книгъ, а также и другихъ сочиненій. Въ этомъ отношеніи сподвижниками ихъ выдвигаются три перережденца Чжан-чжя (лчжаң-скја) хутукть: а именно, Агванъ-Чойданъ (аг-дбаң чо-ддан), съ 1642 по 1714, Ролбій-дорджэ (ро-л-піі рдо-рджэ), съ 1717 по 1786, и Данбій Джялцанъ (д-стан-піі ргјал-мцан), съ 1787 г. по 1846 г.

Всѣ эти три перережденца родились въ округѣ городовъ Лянь-чжоу и Сининъ, т. е. на сѣверо-восточной границѣ нижняго Тибета, среди племени называемаго «чжяхорь» (ггја-гор), которыхъ Г. Н. Потанинъ называетъ ширинголами или осѣдлыми амдоскими монголами. Языкъ у нихъ—монгольскій, но съ изобиліемъ чуждыхъ элементовъ, больше всего китайскаго и тангутскаго происхожденія. Наконецъ, въ ихъ языкъ встрѣчаются слова тюркскія³⁾. На страницѣ 567 цитованнаго труда

¹⁾ Huth Op. cit. 159—166.

²⁾ Труды чл. Пек. дух. М. т. I, 2-ое изд., стр. 59 и 60.

³⁾ Г. Н. Потанинъ. Тангутско-тибетская окраина Китая. Стр. 342, 346.

Потанина покойный профессор Ивановский относительно слова „Чжа-хорь“ замѣчаетъ, что оно можетъ обозначать «страна ширайголовъ», а слово «рЧжа-сог» — «уйгуры» и т. д. Такимъ образомъ и онъ не даетъ правильного и точнаго производства этого слова. Между тѣмъ выраженіе „чжа-хор“ встрѣчается очень часто въ тибетской исторической литературѣ для обозначенія «монголовъ», но нельзя утверждать, какое значеніе ему придавали: «китайскіе монголы», «китае-монголы», «монголы», или «китайскіе уйгуры», «уйгуры». Мы, со своей стороны, предпочитаемъ дать этому выраженію его первоначальное значеніе, именно «уйгуры» или «китайскіе уйгуры», такъ какъ мѣстомъ перваго приглашенія упомянутаго выше, тибетскаго сакьяскаго ламы княземъ Годаномъ были именно окрестности Лянъ-чжоу, то есть близъ нынѣшнихъ мѣстъ поселенія „чжа-хоровъ“, а также шара-егуровъ или југуровъ, которые, по словамъ Потанина, вѣроятно, принадлежатъ племени шпринголовъ (ширайголовъ) и обитаютъ въ ущельяхъ Нань-шани къ сѣверу отъ городовъ Гань-чжоу и Сучжоу. Југуры дѣлятся на два отдѣла, одинъ говоритъ монгольскимъ, а другой тюркскимъ языкомъ¹⁾. Искать подъ тибетскимъ словомъ «хорь» значеніе «уйгурь» побуждаетъ еще сходство его съ китайскимъ «хой-хорь» или «хуй-хорь».

Изъ этого можно предположить, что тибетцы знали сначала только уйгуровъ и называли ихъ «хорь», но, когда на ихъ мѣсто пришелъ новый народъ «монголы», то на нихъ, какъ родственныхъ уйгурамъ, перенесли названіе первыхъ. Кромѣ того, въ тибетскихъ книгахъ встрѣчается сочетаніе «хорь-сог», каковое выраженіе монголы переводятъ и пишутъ «уурь-монголь» или, по нашей транскрипціи, «88p моңгол»²⁾. Слово уурь, въ произношеніи ур, въ современномъ монг. языкѣ не имѣетъ соотвѣтствующаго, подходящаго значенія и потому, сопоставляя его съ тибетскимъ выраженіемъ, позволительно перевести «уйгуро-монголы»³⁾, хотя предвидится возраженіе,

¹⁾ Потанинъ. Ibid.

²⁾ См., наприм., словарь Мэргэть гархуйнъ оронъ. Т. I, л. 16.

³⁾ На русскій языкъ принято переводить «чисто, истинно монгольскій». См. Голетунскій. Мон.-рус. словарь. Т. I, стр. 150.

сп 11176

что, во 1-ыхъ, тибетцы въ данномъ случаѣ соединили два одно-значащихъ слова для большей ясности, какъ дѣлается это въ однословныхъ языкахъ, и во 2-хъ, монголы имѣютъ полное слово «уйгур» для обозначенія народа.

Но, какъ бы то ни было, родина Чжанчжя хутуктъ занимаетъ такое положеніе между Китаемъ, Монголіей и восточными тибетцами—тангутами, а прежде и уйгурами, что она должна была служить ареной соприкосновенія этихъ народовъ и образованія такого племени, которое заключало бы въ себѣ черты всѣхъ четырехъ народностей. Если взять безъ историческихъ воспоминаній, исключительно современное географическое положеніе, то оно, по нашему мнѣнію, много способствовало пріобрѣтенію этими ламами громаднaго вліянія на дѣла тибетскія и монгольскія и на отношенія этихъ народностей къ маньчжурской династіи. Въ самомъ дѣлѣ, сравнительная близость къ центральному Тибету и общность языка благоприятствовали перерожденцу Агвану Чойдану отправиться туда и получить тамъ хорошее богословское образованіе, а сосѣдство съ монголами и китайцами дало ему возможность хорошо изучить ихъ нравы и воззрѣнія, а также и ихъ языки.

Къ возвышенію его также много способствовало и переходное время политическаго подчиненія монголовъ и тибетцевъ Китаю, ознаменовавшееся, какъ извѣстно, междуусобными войнами. Маньчжурскіе императоры, желавшіе подчинить эти племена съ возможно меньшимъ кровопролитіемъ, усмотрѣли лучшее средство въ привлеченіи для дипломатическо-посредническихъ сношеній именно могучаго вліянія духовныхъ лицъ. Самымъ подходящимъ для исполненія такихъ задачъ оказался упомянутый хутукта, который впервые получилъ аудіенцію у императора Канси въ годъ огненного зайца, т. е. въ 1787¹⁾. Съ этого времени онъ находится постоянно на виду импера-

¹⁾ Біогр. Чж. хут. листъ 105 и слѣд.

тора и получаетъ разныя порученія, которыя онъ выполняетъ съ отличныиъ умѣніемъ¹⁾).

Такъ, въ 1697 г. онъ былъ командированъ въ центральный Тибетъ для возведенія на престолъ 6-го далай-ламы, но изъ Ордоса былъ отозванъ къ императору для секретнаго доклада о причинахъ возникшихъ тогда въ Тибетѣ безпорядковъ. На пути въ Тибетъ ему удалось уговорить, по порученію Канси, хухунурскихъ князей явиться къ императору на аудіенцію. Затѣмъ въ 1701 г. онъ присутствовалъ въ Доло-норѣ при освященіи храма въ честь приѣма халхаскими семью хошунами подданства манджурской династіи и пр. За всѣ эти заслуги Канси въ 1706 году пожаловалъ ему золоченую печать, грамоту и титулъ «Гуань динь пу шань гуань цзи да го ши» (灌頂普善廣急大國師), что значитъ: «имѣющій удивительно доброе милосердіе—корень религіи и государственныиъ учитель».

Въ 1711 году ему былъ переданъ въ Пекинѣ дворецъ со вновь выстроеннымъ храмомъ, который въ слѣдующемъ году былъ названъ Сунь-чжу-сы.²⁾ Этотъ храмъ вмѣстѣ съ пристройками, составляющими въ Пекинѣ цѣлый кварталъ, сталъ съ этого времени резиденціей Чжанчжя-хутукть. Во время боксерскаго движенія въ 1900 году, онъ подвергнулся ограбленію иностранцами и все цѣнное, какъ говорятъ, исчезло, чему не мало способствовали, какъ можно заключить изъ рассказовъ самихъ монголовъ, мѣстные же ламы. Здѣсь же находится книжный магазинъ, продающій всѣ оригинальныя сочиненія и переводы, доски коихъ находятся въ Сунь-чжу-сы.

Слѣдующій перерожденецъ Ролбій дорджэ Лэшэ Данбій-доньмэ (лэ-ш'эс бстан-цзи сгрон-мэ) родился въ первомъ мѣсяцѣ года огненной курицы, т. е. въ началѣ 1717 года, въ

¹⁾ Вообще, на основаніи сказаній буддійскихъ писателей, можно доказать, что, по ихъ мнѣнію, возвышеніе и паденіе династій, а также и отдѣльныхъ государей всецѣло зависѣло отъ того или другаго отношенія ихъ къ буддизму и его дѣятелямъ—ламамъ.

²⁾ Въ «Описаніи Пекина» о. Іакинфа, стр. 28, сказано: «изъ надписей на древнихъ колоколахъ видно, что здѣсь при династіи Минъ переводили и печатали тибетскія священныя книги».

окрестностях Лянчжоу. Семилѣтнимъ отъ роду, въ 1724 году, по императорскому приказу, его привезли въ Пекинъ и поселили въ храмъ Цзаньдань-Джу. Здѣсь къ нему были представлены учителя по специальностямъ и онъ изучилъ языки китайскій, монгольскій, манджурскій, а также познакомился съ индійскими письменами ланьца, вартуль, нагари и проч. На восемнадцатомъ году своей жизни онъ получилъ титулъ своего предшественника. Вообще императоръ проявлялъ къ нему большое расположеніе и часто бесѣдовалъ съ нимъ по религіознымъ вопросамъ, не говоря уже о томъ, что онъ воспитывался вмѣстѣ съ сыномъ богдыхана¹).

Этотъ знатокъ языковъ совмѣстно съ болѣе авторитетнымъ, какъ видно изъ послѣсловія къ словарю «Мэргэть гархуйнь оронь», перерожденцемъ галданскаго настоятеля Данбій-нимой (рджэ-бцзун бло-бзац бстан-пхи йіма) были виновниками наивысшаго развитія переводовъ священныхъ книгъ съ тибетскаго на монгольскій языкъ. Такъ, они получили порученіе императора перевести и вырѣзать на доски извѣстный сборникъ сочиненій буддійскихъ ученыхъ «Дань-джурь» (бстан-лгјур).

Прежде чѣмъ приступить къ такому большому дѣлу, Чжанчзя хутукта рѣшилъ составить терминологическій словарь «Мэргэть гархуйнь оронь», какъ необходимое руководство для перевода на языкъ монголовъ упомянутаго сборника сочиненій²).

Словарь этотъ, доски котораго хранятся теперь въ Суньчжу-сы и пришли въ ветхость, лишающую возможности читать оттиски съ него, составляетъ замѣчательный трудъ по лексикографіи, такъ какъ обнимаетъ все отдѣлы буддійской литературы. Онъ служитъ единственнымъ руководствомъ для переводовъ до настоящаго времени. Разматривая вообще переводы буддійскихъ книгъ на монгольскій языкъ, должно неотступно сравнивать всякій переводъ съ этимъ словаремъ.

¹) Биографія Чжанчзя-хутукты, Л. 133.

²) Словарь. Часть 11, листъ 24.

Поэтому, приступая теперь къ разсмотрѣнію перевода даннаго сочиненія Цзонхапы на монгольскій языкъ, мы должны нѣсколько подробнѣе остановиться на данныхъ сего словаря, который состоитъ изъ 11 отдѣльныхъ частей¹⁾, пронумерованныхъ порядкомъ буквъ тибетскаго алфавита. Заглавіе каждой части начинается словами—«мэргэт гархᠰᠢᠨ орон нэрэту токтогаксан да-жік-ацэ... аймак орошіба», т. е., «заключается отдѣль..... изъ словаря, по названію, мѣсто исхода мудрецовъ» и къ этому прибавляется названіе каждой изъ 11 частей въ такомъ порядкѣ: 1) парамиты (тиб. п'ар-п'їи), 2) мадымака (тиб. дбу-ма), 3) абідарма (тиб.—мїон-па), 4) віцаја (тиб. љдул-ба), 5) токтаксан тагалал (тиб. груб-мг'аһ), 6) тарні (тиб. сцаге), 7) ᠰчір шїлтагян-ᠰ ᠰхагян (тиб. гтан-ціге рїг-па), 8) дагґн-ᠰ ᠰхагян (тиб. стра-рїг), 9) ᠰралахᠰᠢ ᠰхагян (тиб. бзо-ба рїг-па), 10) тэцїгэхуј ᠰхагян (тиб. гсо-ба рїгна) и 11) шїнэ хагґчин дохіјан (тиб. брдаһ гсар-рїиц).

Въ началѣ первой части находится вступительная статья, заключающая въ себѣ краткое изложеніе исторіи распространенія буддизма въ Индіи, Китаѣ, Тибетѣ и Монголіи, а затѣмъ *правила о переводахъ съ тибетскаго на монгольскій.*

Въ концѣ 11-аго отдѣла находится заключительная часть, указывающая, въ какомъ отдѣлѣ какія слова должно отыскивать, и здѣсь же приведенъ перечень именъ участниковъ предпринятаго перевода сборника «Даньджурь».

Кромѣ этого, для облегченія изученія языка и помощи переводчикамъ, въ разное время были составляемы др. словари тибетско-монгольскаго языка. Изъ этихъ словарей самымъ распространеннымъ нужно считать составленный алашаньскимъ ламой Агвань-Дандарь (цаг-дбац бстан-дар), имѣющимъ высшую ученую степень лхарамбы (лхарамс-па), въ восемнадцатомъ году правленія Дао-гуаня, въ лѣто земляной собаки, т. е., въ 1838 году, когда автору шелъ 80-й годъ жизни. Словарь этотъ сначала былъ изданъ въ Пекинѣ въ типографіи Сунь-чжу-сы и носитъ полное названіе: „нэрэ ᠰтхајї тодотхакчі саран-ᠰ гэгэн

¹⁾ Сравни. Позднѣевъ. Лекціи по исторіи монгольской литер. Т. III, стр 159.

гэрэл хэмэждэху дохијан-8 бичик“, т. е., „словарь, именуемый свѣтлымъ блескомъ луны, уясняющимъ смыслъ имень.“

Богѣ чѣмъ за сто лѣтъ (въ 1718 г.) до сего словаря, былъ составленъ словарь ученымъ Кун-га Джамцо. Доски этого словаря также хранятся въ Сунь-чжу-сы и онъ носитъ полное названіе: „Учѳгэн усук номогатхалга-јн цірухэн-у харац-г8ј-јі арілган үлэдүкчи мцнган наран-8 гэрэл хэмэху“, т. е., «небольшой словарь, свѣтъ тысячи солнць, очищающій мракъ укрощаемаго сердца». Этотъ словарь страдаетъ отсутствіемъ систематическаго порядка расположенія словъ, недостаточнымъ богатствомъ терминовъ и неправильнымъ переводомъ ихъ.

Академикъ Шмидтъ въ предисловіи къ своему «Тибетско-русскому словарю» указываетъ три оригинальныхъ словаря: 1) «Тибетско-монгольскій—Минги дьямцо (тиб. мц-гі ргја-мцо) море названій», 2) «Тибетско-монгольскій Бодшидаицгъ тогнаръ-лава (тиб. бод-кјі брда-јіг птоге-пар сла-ба, —удобо-понятный словарь тибетскаго языка». Словарь этотъ былъ составленъ княземъ Гонбо-Чжабъ (мгон-по сгјабс), но довольно кратокъ, а также въ Халхаской Ургѣ вышелъ словарь, называемый «Цолваръ-лава» (тиб. цц'ол-бар сла-ба—удобный для отыскванія словъ¹⁾) и 3) «Манджу-монгольско-тибетско-китайское зеркало словъ, подъ названіемъ Каджи-шанджарвай мелонг ги інге (тиб. скад-бші ш'ан-сбјар-бні мэ-лоц-гі јігэ—слова зеркала соединенія четырехъ языковъ»). Къ этому онъ прибавляетъ, что въ послѣдствіи получилъ еще нѣсколько оригинальныхъ словарей.

Проф. Ковалевскій, также въ предисловіи къ своему «Монгольско-русско-французско-тибетскому словарю», указываетъ на большія рукописныя словари и мы, со своей стороны можемъ добавить, что встрѣчали нѣсколько такихъ словарей, изъ коихъ нельзя не упомянуть о словарѣ, составленномъ бывшимъ бурятскомъ ламой Номтоевымъ. Этотъ словарь, по полнотѣ и обилію терминовъ, превосходитъ всѣ видѣныя мною труды по тиб.-мон. лексикографіи.

¹⁾ См. Словарь Агванъ-Дандара. 137 л.

Теперь приступимъ къ изложенію правилъ переводовъ священныхъ книгъ съ тибетскаго на монгольскій, изложенныхъ въ выше упомянутомъ словарѣ «мэргэт гархуйн оронь», и къ краткимъ замѣчаніямъ о примѣненіи ихъ въ нашемъ изданіи.

Переводчики должны прежде всего помнить, что дѣлаютъ доброе дѣло, передавая на понятный для людей языкъ священное писаніе и служа этимъ дѣлу распространенія благовѣствованія святыхъ, и что всякое затемнѣніе и порча смысла, конечно, не достигнуть этой цѣли и будутъ служить, напротивъ, развитію неправильнаго воззрѣнія. Объ этомъ скажемъ дословнымъ переводомъ словъ подлинника¹⁾: «такъ какъ вообще драгоцѣнное благовѣствованіе Побѣдоноснаго сдѣлалось глазомъ, освѣщающимъ, для стремящихся къ спасенію, путь къ нирванѣ и всевѣдѣнію, добродѣтельный въ всѣхъ періодахъ²⁾, то и переводчики, имѣя въ виду прелесть продолжительнаго пребыванія въ мірѣ его правилъ, должны: запечатлѣть въ мысли необходимость ученія Могущаго, оставить уклоненія въ сторону желанія матеріальной выгоды и славы, разслѣдовать обстоятельно и прямодушно предѣлы словъ и смысла, и, прервавъ недоразумѣнія обстоятельными разспросами у прославившихся знатоками старшихъ и младшихъ о томъ, что сами случайно не узнали, обстоятельно переводить ясными и удобопонятными словами, не противорѣча смыслу. Въ такомъ случаѣ, они будутъ въ состояніи увеличить многочисленныя собранія хорошаго въ своихъ и чужихъ основахъ и, вслѣдствіе того, что окажутся совершившими дѣяніе, полезное для ученія Побѣдоноснаго, найдутъ несравненную кучу благъ».

«Въ иномъ случаѣ, тѣ, которые, не будучи сами знатоками, гордятся, какъ знатоки, и, затуманивъ глаза разума, гнѣваются уклончивою мыслью на другихъ, сдѣлавшихся знатоками, и радуются переводамъ многочисленныхъ томовъ, сдѣланнымъ ради времяпровожденія, придавая мало значенія законамъ Высшаго,—окажутся необратившими вниманія на возникновеніе невыносимыхъ страданій въ этой и будущей жизни для

¹⁾ Мэрг. г. ор. Л. 18 и 19.

²⁾ Букв. въ началѣ, концѣ и среднѣ.

самихъ и другихъ, какъ плодовъ порчи грязной водой — неправильной и преступной проповѣди — чистаго слова Будды». Изъ этого видно, какое серьезное отношеніе должно быть у переводчиковъ къ своей работѣ. Но для нихъ немалую трудность представляетъ своеобразность строя тибетской рѣчи: своеобразный порядокъ словъ, неопредѣленность именъ и глаголовъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ временъ, залоговъ и надежей.

Порядокъ словъ. Всякому, изучающему восточные языки вообще и тибетскій въ частности, извѣстно, какое важное значеніе имѣетъ порядокъ словъ въ простыхъ и сложныхъ предложеніяхъ или періодахъ. Неизмѣнное правило порядка частей тибетскаго предложенія слѣдующее: 1) Во всякомъ предложеніи сказуемое (глаголь) занимаетъ послѣднее мѣсто, притомъ въ періодахъ подчиненныя сказуемая въ разныхъ формахъ и всѣ равнозначущія сказуемая (глаголы), каждая замыкая соответствующую часть періода, должны предшествовать главному глаголу. 2) Порядокъ, въ которомъ помѣщаются разные надежи существительныхъ, относящихся къ сказуемому, скорѣе произволенъ, такъ что, наприм., дѣятель можетъ предшествовать и послѣдовать дополненію. Нарѣчія мѣста, времени, или адвербіальныя предложенія, по возможности, ставятся въ началѣ предложенія. 3) Порядокъ словъ, относящихся къ существительному, слѣдующій: а) родительный надежъ, б) главное существительное, в) имя прилагательное (за исключеніемъ опредѣленія въ родительномъ надежѣ), 2) мѣстоименіе, д) числительное, е) неопредѣленный членъ. 4) Въ соотнositельныхъ предложеніяхъ относительное предшествуетъ указательному и въ сравнительныхъ предметъ, съ которымъ сравниваютъ, обыкновенно предшествуетъ сравниваемому¹⁾.

Теперь обратимся къ правиламъ цитируемаго сочиненія «Мэргэть г. оронь» о расположеніи словъ при переводахъ на монгольскій. Оно говоритъ: «То, что при переводѣ основныхъ словъ, согласно порядку тибетской рѣчи, — удобопонятно на

1) Jäschke. Tibetan Grammar, p. 80, 81.

монгольскомъ языкѣ и непротиворѣчиво смыслу, должно переводить тѣмъ же порядкомъ. Въ противномъ случаѣ то, что послѣ перестановки предшествующихъ и послѣдующихъ словъ, дѣлается яснымъ для пониманія смысла и удобопроизносимымъ, должно переводить, перемѣщая слова въ предѣлахъ одного стиха, если это стихи. Сложныя слова должно переводить, удобно перемѣщая одно, два или три слова до достиженія смысла ихъ. Хотя и такъ, но необходимо, чтобы это не противорѣчило предыдущему и послѣдующему смыслу: это значить, что необходимо хорошо изслѣдовать законъ высказыванія силы даннаго выраженія.

«Иногда, при переводахъ, согласованныхъ съ тибетской рѣчью, въ монгольской письменности оказывается какъ-бы затемнѣніе части смысла многими излишними словами. Поэтому, въ такихъ случаяхъ, можно выбрасывать, безъ вреда смыслу, лишнія слова. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ оказывается какъ-бы даже недостиженіе силы смысла, если не прибавить немного словъ. Тогда должно переводить, прибавляя немного словъ, полезныхъ для уясненія смысла, но отнюдь не безсмысленныхъ».

Вотъ всѣ положенія правилъ размѣщенія словъ. Изъ нихъ видно, что авторъ, при всемъ сходствѣ порядка словъ обоихъ языковъ, не обращаетъ вниманія на одну частичную, но существенную разницу, заключающуюся въ томъ, что въ монгольской рѣчи опредѣленіе всегда ставится прежде опредѣляемаго слова, чего, какъ сказано, нѣтъ въ тибетскомъ. Затѣмъ въ тибетскомъ языкѣ болѣе часто употребленіе частицы—«чиіг» (она же ш'іг или шіг), переводимой по-монгольски «нігэн»—одинъ, а также и указательныхъ мѣстоименій «нді» и «дэ», по—монгольски «энэ» и «тэрэ». Если включить эти частицы и въ монгольскую рѣчь, то положеніе занимаемыхъ частями предложенія мѣстъ послѣ опредѣленія въ родительномъ падежѣ, будетъ какъ разъ въ обратномъ, чѣмъ въ тибетскомъ, порядкѣ, т. е.: а) родит. пад. б) неопредѣленный членъ, в) мѣстоименіе, г) числительное, д) прилагательное и е) главное существительное.

Обращаясь теперь къ разсматриваемымъ переводамъ «Ламрима», находимъ, что П. (пекинскій переводъ) держится, въ отношеніи порядка словъ, строя чисто монгольской рѣчи гораздо ближе, чѣмъ А. (агинскій переводъ), который почти повсюду рабски слѣдуетъ за порядкомъ расположенія словъ тибетскаго текста. Укажемъ нѣсколько примѣровъ¹⁾: 3,2 — «цул-гсум» — јосҢн гҢрбан А., гҢрбан јосҢн П. 3,013 — «ртѣң дѣ-ла» — шітөгѣн тѣгун-дур А., тѣрѣ шітөгѣн-дур П. 3,11 — «хаб, п'о-браң ш'нту јаңе-па» — ордо, биман харші маші агҢҢ А., харші маші агҢҢ, јѣхѣ харші П. 4,10 — «цад-ма кун-ла» — «хэмѣјѣ бұхун-дур» Х., «хамҢк хэмѣјѣн-дур П. 9,8 — «сдѣ-па гоң-ног-гі» — ајмактан дѣгѣду доора-дҢ-јн А. дѣгѣду доорадҢ аймак-Ңн П. 10,16, — «ерол чжуң-зад јод-па рнаме» — цірҢм уцөгѣн буж нҢгҢт-і А., уцөгѣн аксан хаҢлі нҢгҢт-і П. 64,013 — «скјѣс-рабе бчжу-гніс-па» — турул-ун ујѣс-ун арбан хојадҢгѣр-тҢр А., арбан хојадҢгѣр цѣ-дѣк-тур (П). 75,03 «бсод-наме дпаг-ту мѣд-па» — бҢжан цаклаші угѣј А., цаклаші угѣј бҢжан П. 161,1, — «лчжагс-кјі са-гші раб-ту һбар-ба-ла» — тѣмур-ун дѣлѣхѣј маші бадараксан-дҢр А., маші бадараксан тѣмур дѣлѣхѣј-дур П. 118,4 — «дгѣ-риза маң-по чжѣг дгос-на» — бҢжан-8 ундусун олан нѣгѣн хѣрѣкту бугѣтѣлѣ А., олан бҢжан-8 ундусун-у хѣрѣклѣхуж-бѣр П.

Въ приведенныхъ примѣрахъ порядокъ словъ не нарушаетъ смысла рѣчи, но иногда наблюдаются случаи, когда, отъ того или иного расположенія словъ, нарушается совершенно или, по крайней мѣрѣ, затемняется смыслъ тибетскаго предложенія или отдѣльнаго выраженія. Наприм. 32,5 — «сман маң бзаң шің п'анс-па дѣ» — эм олан бугѣт хайратҢ-јі тѣрѣ абчҢ, А., — хайралакдахҢ тѣрѣ олан сажн эм-і абчҢ, П. Здѣсь А. дословнымъ переводомъ превращаетъ опредѣленіе прямого дополненія въ самостоятельную часть (подлежащее) предложенія. 122,2 — «ха-на ма-т'о (ба) гніс» — гѣм алдал хојар А., — хојар нѣгул, П. Второй переводъ вѣрнѣе, такъ какъ въ первомъ

¹⁾ Первая цифра — страница монгольскаго текста, вторая простая — номеръ примѣчанія, а съ нулемъ впереди — порядокъ строки слѣва.

случаѣ слово хоjar является, по грамматикѣ монгольскаго языка, только союзомъ двухъ равносильныхъ членовъ предложенья, тогда какъ тибетское выраженіе есть опредѣленный терминъ, обозначающій: 1) грѣхъ, допущенный безискусственно и полусознательно, и 2) грѣхъ открытаго нарушенія закона или религіи. 137,₁ — «сдуг-бсцал драг-чиц рцзуб-ла ца-шиц» — зобалац хатаг⁸ бугэт шіругун, халаг⁸н бугэт А., хатаг⁸ шіругун зобалац-д⁸р тулэкдэцү П. Въ данномъ случаѣ, стремленіе подогнать подъ строй монгольской рѣчи заставляетъ П. отступить отъ точнаго перевода. Тоже самое замѣчается и въ слѣдующемъ примѣрѣ.¹⁾ 263,₀₁₁ — «п'ан ѣдогс-па дац сдуг-бсцал-ба дац јон-тан гјі шіц јо-бјад мэд-на-ла п'ар-сбјін-паһо» — т⁸са хургэксэн ба зобалац-т⁸ хігэт эрдэм-ун орон эт-тавар угэј-дур А., «туса хургэчї ба, зобалац-тан ба эт тавар угэгун-э эрдэм-тэн-у орон-д⁸р» П.

О глаголахъ. «Тибетскій глаголь, говоритъ Jäschke²⁾, можетъ разсматриваться, не какъ показатель дѣйствія, или страданія, или состоянія подлежащаго, а только, какъ приближеніе къ состоянію или, иными словами, они являются безличными, подобными *taedet, miseret* и пр. въ латинскомъ или *it suits* и др. въ англійскомъ языкахъ. Поэтому они не имѣютъ того, что въ нашихъ собственныхъ языкахъ называются дѣйствительнымъ и страдательнымъ залогомъ, а ровно и различія лицъ». Напротивъ, монгольскій языкъ имѣетъ отдѣльныя формы для глаголовъ переходныхъ и непереходныхъ, требующихъ дополненія въ разныхъ падежахъ. При тѣхъ и другихъ глаголахъ подлежащее въ монгольскомъ языкѣ стоитъ въ именительномъ падежѣ, а въ тибетскомъ при переходныхъ глаголахъ въ орудно-творительномъ, а имя, на которое переходитъ дѣйствіе, въ винительномъ падежѣ, по вѣщности, не отличающемся отъ именительнаго³⁾).

¹⁾ Правильнѣе переводъ агинскій, но у насъ вкралась неправильная постановка словъ.

²⁾ Tibetan grammar, p. 40.

³⁾ Впрочемъ, по-смыслу, можетъ принимать и извѣстныя частицы, о чемъ рѣчь-ниже.

Подобное употребленіе при отсутствіи дѣйствующаго лица винительнаго падежа въ тибетскомъ языкѣ, какъ удачно сравниваетъ Jäschke, точно такое же, какъ латинское «*roepitet me*», переводимое «я каюсь». Слѣдовательно тибетскій глаголь носить, повторяемъ, характеръ безличнаго и потому монгольскіе переводчики, не имѣя у себя въ языкѣ такихъ глаголовъ, должны переводить или переходными глаголами съ винительнымъ, или же непереходными съ именительнымъ.

Такая отличительная черта тибетскихъ глаголовъ заставляетъ составителей словарей, подъ однимъ и тѣмъ же словомъ давать два значенія: переходное и непереходное. Въ разсматриваемомъ руководствѣ нѣтъ указаній на такой характеръ глаголовъ. Поэтому употребленіе въ монгольскихъ переводахъ тѣхъ или иныхъ глаголовъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ переводчика. Напр. 6,6,7 — тибетскій глаголь «*дду-ва*» значитъ «собирать» и «собираться», поэтому А. употребляетъ непереходный «*x8pax8*», а П.-переходный «*x8pījāx8*»; на этомъ же основано очень употребительное выраженіе «*дду-ш'эс*» — санскрит. «самджіа», которое переводятъ: А. — «*x8pan mādaxu*», Х. — «*x8pījān mādaxu*», П. — «*cətxīxuj*»; 7,12 — тиб. «*слоб-па*» — значитъ «*c8pалцаx8*» А. и «*c8pгax8*» П., 41,6 — тиб. «*дчод-па*» — «*таc8лаx8*» А. и «*таc8pax8*» П.

Спряженіе тибетскихъ глаголовъ существенно отличается отъ монгольскаго тѣмъ, что корни нѣкоторыхъ глаголовъ измѣняются для выраженія времени и приказательной формы повелительнаго: одни — трехъ времени и приказательной формы, другіе настоящаго, прошедшаго и приказательной формы, третьи — настоящаго и прошедшаго, и въ то же время очень много совершенно неизмѣняющихся корней. Затѣмъ, тибетскій языкъ, для обозначенія времени, залоговъ и формъ повелительнаго наклоненія, употребляетъ вспомогательные и другіе глаголы и существительное «*гју*», а для именныхъ и конвръбіальныхъ формъ — различныя однослоговыя послѣлоги.

Монгольскій же языкъ для выраженія всѣхъ глагольных формъ приставляетъ къ корню, не измѣняя его, опредѣленные

**Это была демоверсия книги - Цзон Ха-па (1357-1419). Лам-рим
чэн-по = (Степени пути к блаженству)**

С полной версией книги, Вы можете ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34